

УДК 159.99

DOI: 10.17223/17267080/63/5

А.Д. Карнышев, О.А. Карнышева

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Психогенетические истоки изоморфных ресурсов личности и социума и особенности их проявления в разных этнокультурных установках

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи Азиатской России».

Выделяются следующие группы ресурсов личности и сообщества: природные (биопсихические), мотивационные, исполнительские и творческие, рефлексивные, коммуникативные. Зависимость проявления ресурсов от генетических и средовых факторов «рельефнее» смотрится не столько на этническом фоне, сколько на примере «смешанных» индивидов. Прикладные исследования показали, что смешанные индивиды уже в силу своей генетической и отчасти культурной интеграции меньше ориентированы на ценность самобытности земли, на которой живут.

Ключевые слова: *личностные и этнические ресурсы; изоморфизм; глобализм; всечеловеческая индивидуальность; коллективное бессознательное; самооценка и её уровни; генетическая детерминация.*

В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский используют понятия «человеческий ресурс» и «личностный ресурс, определяющий инновационный потенциал человека». Инновационный потенциал (ИП) понимается «как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения». По мнению исследователей, ИП включает в себя: 1) личные качества, такие как толерантность к неопределенности и т.п.; 2) компетенции; 3) витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира и т.д.) [1. С. 3–5].

Можно утверждать, что обращение к соответствующей терминологии вполне приемлемо в этнической и социальной психологии. Для использования понятия «ресурсы» в рассматриваемой нами проблематике есть ряд существенных причин.

Во-первых, экономическое, и в целом прикладное, содержание ресурсов предполагает выявление их «веса» или «стоимости», т. е. объективной значимости для конкретных сфер жизнедеятельности предлагаемых учеными практических действий, а также для любых социальных техноло-

гий. Причем «стоимость» может (и должна) быть выражена в каких-либо наглядных единицах.

Во-вторых, потенциал любой действующей социальной группы, будь то семья или трудовой коллектив, состоит из ресурсов каждой отдельной входящей в нее личности и эффекта возникших при сотрудничестве эмерджентных (целостных) качеств и свойств (например, уровень сплоченности коллектива). Отсюда при адекватной организации ресурсы личности – это ресурсы группы и наоборот.

В-третьих, и это, наверное, самое важное, наличие ресурсов позволяет получить представление о перспективах развития человека, социальных и иных систем. Если организатор какого-либо дела и (или) его команда имеют значительное количество не только реальных, но и потенциальных ресурсов, в будущем, которое они создают, можно смотреть с оптимизмом.

Таким образом, под ресурсами мы понимаем те биогенетические и социально-психологические феномены личности, человеческих групп и общества в целом, которые могут использоваться в качестве источников, средств и способов детерминации поведения, с одной стороны, а с другой – для повышения эффективности конкретных дел и принимаемых решений.

Для анализа сущности взаимосвязей между разными взаимодействиями феноменами в последнее время все чаще используются закономерности изоморфизма. Например, изоморфический подход к рассмотрению целенаправленного поведения и деятельности может основываться на алгоритме анализа данных категорий, позволяющего через призму структуры деятельности взглянуть на структуру других социально-психологических феноменов, в частности личность и коллектив. Это также дает возможность более конкретно объяснить их взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимопроникнутость, рассмотреть в едином контексте их содержательное и (или) формальное подобие. Изоморфизм в данном случае демонстрирует не столько отдельные элементы, сколько способы их сочетания и отношения между ними. В анализируемых посредством логического изоморфизма феноменах отдельные элементы одного из них (фрагменты) или входят в качестве составляющих в соотносимые параметры другого (других) непосредственно, а также в инвариантах, или же, внешне отличаясь, обладают аналогичными свойствами, функциями, решают подобные задачи и т.п. На наш взгляд, близкую мысль проводят В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский на примере взаимодействия двух сложных систем: «Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другом “свое иное”, пусть еще и не ставшее подлинно своим, но не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается возможность устойчивого существования системы» [1. С. 4]. С другой стороны, во взаимодействующих изоморфных параметрах двух систем в их «своем ином» необходимо видеть определенные

«первокирпичики», позволяющие говорить об истоках их сходных характеристик. Полагаем, в психофизиологических, как и в социально-психологических, системах это могут быть генетические ресурсы.

Отсылая читателя по обоснованию и деталям анализа взаимосвязанных структур деятельной личности и действующей социальной группы к уже неоднократно продемонстрированным нами положениям [2, 3], покажем в общей схеме те взаимодействующие их параметры, которые никак нельзя обойти при определении ресурсов личности и группы в любой социальной деятельности. При этом для общего анализа мы берем некую абстрактную человеческую группу, признавая, что любые группы людей, реализующие разные виды социального поведения и деятельности, в чем-то изоморфны друг другу, поскольку имеют одни и те же «истоки» не только в издавна формирующемся человеческом обществе, но и в праистории социальных существ. Как писал Уилсон, «с психологической точки зрения современные группы – аналоги исторических и доисторических племен. Это значит, что они уходят корнями к коллективам предшественников людей. Связующий группу инстинкт – биологический продукт группового отбора. Человеку нужно племя. Это дает ему дополнительную возможность самоидентификации и социальный статус в хаотичном мире» [4. С. 72].

Признавая первопричинность праисторических сообществ людей для специфики их дальнейшего развития, никак нельзя забывать две закономерности в их организационном строении. Во-первых, все они возникали в первую очередь для взаимопомощи в «хозяйственном» освоении окружающей среды, поскольку занимались удовлетворением жизненных потребностей своих «членов»: чаще всего собирательство и / или охота. Во-вторых, они осваивали преимущественно «семейный» принцип организации, поскольку взаимодействовали лица, скрепленные определенным родством, т.е. имеющие общие наследственные признаки. Кстати, первоначально и род, и племя первобытных людей также строились на подобном генетическом основании.

Поскольку в данной статье рассматриваются этнические ресурсы личности вкупе с ее семейными потенциалами, в их анализе мы не можем абстрагироваться от рассмотренных особенностей разных сообществ. Они обладают близкими параметрами (рис. 1).

Кратко поясним основное содержание представленных связей, ориентируясь уже не только на абстрактное сообщество, но и на семью. Во-первых, необходимо подчеркнуть наличие и у сообщества, и у семьи, и у личности фундаментальных естественных первооснов, которые представлены их природными компонентами. Для сообщества это генетическая память, коллективное бессознательное, выраженное разного рода архетипами, которые, как известно, прорываются через мифы, предания, легенды, сказки и т.д. Для семьи и личности это биогенетические, нейропсихологические и т.п. образования (здесь, в частности, можно вспомнить наследуемые особенности детей, тип ЦНС индивида, его темперамент и т.п.). Природные

ресурсы в некоторых своих характеристиках представлены отдельно (например, физические данные), но все же чаще они проявляются в биопсихическом фундаменте других параметров (мотивация, потребности, способности и т.п.).

Рис. 1. Взаимосвязь изоморфных ресурсов личности и сообщества

Во-вторых, сообщества, в том числе семьи, предъявляют (а нередко и навязывают) личности свои правила, ценности и нормы, по которым она обязана или сама хочет жить, и эти смысловые образования связаны с целями деятельности и поведения. «Прародителями» всех ценностей и норм являются естественные потребности людей в пище, комфортных условиях проживания, общении и т.д. Нормы – это социальные ориентиры, имеющие выражение в определенных интересах, стандартах деятельности, принципах поведения, моральных и правовых нормах, эталонах общения и т.д. В семье это могут быть правила, касающиеся отдельно родителей и детей, а также общие для тех и других. Если личность признает данные нормы, «впитывает их с молоком матери» и / или стремится к их внутреннему освоению, это самым непосредственным образом отражается на структуре ее мотивов: происходит ценностно-ориентационное объединение личности и сообщества.

В-третьих, для каждого человека не менее значимо то, какую роль он выполняет в сообществе, какой статус занимает в его официальной

(формальной) и неофициальной (неформальной) структуре. Для семьи простейший и значимый пример заключен в понятии «гендерные роли», которые, особенно в прошлом, были достаточно однозначно закреплены за членами семьи. Главное в осуществлении третьей закономерности взаимодействия сообщества и личности – это нахождение для каждого человека видов деятельности, поручений, заданий, функций, которые бы в наибольшей степени соответствовали его склонностям, способностям, компетенции, помогали выстраивать благоприятные отношения с членами группы. Опять-таки в истоках исполнительских и творческих ресурсов лежат природные задатки, селекция которых важна в любой деятельности. Может быть и другой «порядок». В обществе создаются (инициируются людьми) специальные группы, в основе объединения которых лежат склонности, способности, таланты конкретных людей (разного рода музыкальные или спортивные ассоциации тому пример). Личность входит в них в соответствии со своими интересами и творческими ресурсами. Причем в разных этнокультурных средах механизмы такого «вхождения» специфичны [5, 6].

Касаясь непосредственно официальной структуры, особенно сообществ людей в прошлом, надо подчеркнуть значительную подчиненность индивида коллективным отношениям и действиям. К.Г. Юнг оригинально интерпретировал в данном ракурсе часто используемое психологами сравнение персоны с маской. Для Юнга персона – «фрагмент коллективной психики», она «*лишь маска коллективной психики*, маска, которая инсценирует индивидуальность, которая заставляет других и её носителя думать, будто он индивидуален, в то время как это всего лишь *сыгранная роль*, которую произносит коллективная психика» [7. С. 216, 217]. Возможно, сравнение несколько категорично, но оно заставляет задуматься, с одной стороны, о психогенетической детерминации данной взаимосвязи, с другой – о жесткости формальных структур в прошлом. Семья, как образовавшаяся в «стаде» самая близкая для человека социальная «ячейка», также отличалась своими ригидными параметрами.

Две проанализированные нами взаимосвязи между личностью и обществом приводят к четвертому «суммарному» эффекту. С одной стороны, человек, оригинальным образом раскрывший себя в формальных и (или) неформальных отношениях сообщества, начинает высоко цениться другими его членами за индивидуальное своеобразие, неповторимость, нужность. С другой стороны, возможность самовыражения и высокое внутригрупповое признание его усилий – положительная «обратная связь» – рождает в человеке осознание своей самооценности, у него устанавливается адекватная самооценка, появляется самоуважение. Адекватность или неадекватность самооценки оказывают влияние на все взаимоотношения личности, в том числе и в семье. Апломб, амбиции, кичливость, высокомерие, с одной стороны, а с другой – униженность, «затравленность» и т.п. служат яркими свидетельствами характера отношений личности с другими людьми. Причем как в завышенной, так и в заниженной самооценке порой несложно найти внутренние детерминанты.

В-пятых, для современного общества более всего характерны совместное проживание в семьях и (или) «командная» деятельность, а значит, для индивидов, участвующих в них, важную роль будут играть коммуникативные качества, т.е. умение устанавливать и поддерживать контакты со всеми взаимодействующими лицами – родственниками, компаньонами, коллегами, сподвижниками, партнерами. Кстати, в мире природы многие представители фауны, а нередко и флоры в ходе эволюции выработали специфические способы взаимодействия, в основе которых лежат генетически заданные, если не коммуникативные, то в крайнем случае информационные закономерности. Такие психофизиологические свойства человека, как экстравертированность или интровертированность, также отражают его потенциальные возможности взаимодействия с членами социума. Адаптируясь в группе, человек начинает лучше осознавать свою социальную сущность и гордиться такой судьбой. «Важнейшая составляющая человеческой природы – то, что люди чувствуют настоятельную потребность влиться в группу, после чего начинают считать ее лучше других» [4. С. 338].

Этнопсихологические ресурсы, как мы уже кратко упомянули, можно рассматривать на основе соответствующего изоморфного анализа. К некоторым аспектам мы обратимся в теоретическом и прикладном плане. Начнем анализ с наличия генетических особенностей в проявлении этнического самосознания и поведения. К слову сказать, многие зарубежные ученые считают данную истину вполне объективной, хотя и не поддающейся достаточно точным измерениям. Подобные взгляды достаточно широко распространены в зарубежной дисциплине «генетика поведения». В нашей стране они иногда звучат в психогенетике. Например, общеизвестная точка зрения, согласно которой азиаты (монголы, китайцы, японцы) более интровертированы, чем многие представители западных сообществ. Или же мысль о том, что этнофоры некоторых восточных национальностей отличаются правосторонней асимметрией мозга, основанная в том числе и на определенных психофизиологических исследованиях. Можно признать дискуссионность положения, что «некоторые расовые группы выполняют тесты способностей менее успешно по сравнению с другими» [8. С. 478], хотя существуют однозначные оценки такого рода корреляций. Р. Линн, приводя убедительные факты, говорит о сильной генетической детерминации более высокого IQ аборигенов Восточной Азии по сравнению с европейцами [9. С. 160]. Известный отечественный методолог в области этнопсихологии Е. Резников признает, что «в принципе существует и генетический уровень этнопсихологических характеристик народов» [10. С. 121]. В последнее время данная точка зрения особо муссируется в СМИ на примере генетического единства русского, белорусского и украинского народов.

Соответствующим образом можно рассматривать позиции некоторых философов, вне которых, как они считают, нельзя понять стремления людей к продуктивному взаимопониманию в разных этнических группах: «...сохранение культурного многообразия вида *homo sapiens* заложено в его

генетику как адаптивная негэнтропийная программа, постоянно соперничающая с глобалистскими тенденциями понижения культурного разнообразия, т.е. повышения уровня социальной энтропии» [11. С. 57]. Глобализм, космополитизм с их, казалось бы, универсальными каналами коммуникации в итоге делают многие социокультурные отношения людей значительно обедненными.

В зарубежной литературе, как и в методах определения принадлежности индивида к определенной родословной или (и) признания материнства (отцовства), акцент часто переносится именно на генетическую зависимость, причем в последние годы данные позиции усиливаются. На наш взгляд, маятник качнулся в сторону генетического подхода в оценках социального влияния не только этноса, но и семьи как минимум по трем причинам:

- в современном глобализирующемся поликультурном обществе очень много «идеологий» и «образцов» поведения, и сложно сделать обоснованный и соответствующий внешним обстоятельствам выбор, особенно если не следуешь этническим или другим социокультурным и религиозным традициям;

- общество, прежде всего западное, сделало «знаменем» права и свободы личности ее автономные ресурсы и не особо стремится «загрузить» конкретных людей социальными требованиями по принципу: ответственность перед социумом приоритетна;

- успехи нейрopsихологии позволяют находить все более тонкие механизмы влияния генов и естественных мозговых структур на индивидуальные характеристики и социальное поведение человека, и эти новации становятся базой оригинальных подходов. В такой направленности анализа особенно преуспели англичане и американцы.

При конкретизации приведенных положений полезно рассмотреть на примерах семьи как генетически обусловленной и в то же время социокультурной группы роль родителей и семейной обстановки в формировании личностных ресурсов. Отечественная психология с давних пор ориентирована на воспитательные потенциалы семьи, отсюда последняя чаще всего выступает преимущественно «объектом» изучения педагогической и (или) социальной психологии, при этом считается, что особенности детей порождены в первую очередь и на максимальном уровне внешней средой. Правда, в житейской философии и семейной воспитательной практике можно часто встретить приписывание позитивных характеристик сына или дочери (внуков) своей «родове», тогда как все отрицательное в них является «наследственностью» родственников с другой стороны. Признаваемые «противостоящими» сторонами подобные суждения все же считаются некорректными в науке. В связи с этим обращение к психогенетическим аспектам вопроса требует большего внимания к анализу формирующих потенциалов семьи с точки зрения общей психологии. И здесь надо знать зарубежные позиции. Кроме того, как мы показали выше, психогенетические составляющие являются базой или компонентами других личностных ре-

сурсов, таких как мотивация, способности, уровень самооценки и т.д. Рассмотрим в данном плане две-три формулировки, изложенные известным английским психологом К. Купером.

Первая звучит как бы «в пику» отечественным позициям о приоритете влияния родительских примеров на поведение, индивидуальные черты детей. «Обнаруженная связь некоторых форм родительского поведения с определенными личностными характеристиками потомков сама по себе не позволяет сделать вывод о том, что родительское поведение является причиной возникновения личностных характеристик детей. Возможно, некоторые генетически передаваемые личностные черты ребенка могут, в принципе, вести к возникновению определенных типов родительского поведения, но именно гены, а не варианты поведения родителей будут приводить к появлению у детей сходных черт» [8. С. 133].

Другое его утверждение, основанное на психометрических исследованиях западных ученых, еще более категорично: личность «почти не подвержена влиянию типа семьи, в которой она воспитывается. Никакого значения не имеет, воспитывается ли ребенок в доброй, нежной, любящей семье или же в семье, где есть насилие, – любые влияния на будущую личность ребенка должны быть описаны в понятиях генетических факторов, которые она наследует от родителей, а не в понятиях детского опыта самого по себе» [Там же. С. 223].

На наш взгляд, проблематично в таком ракурсе говорить обо всех без исключения вариантах поведения ребенка в семье. Это будет зависеть от уровня развития семьи. В примитивных семьях, где первичны функции деторождения и бытового обеспечения (жилище, питание, одежда), действительно больше срабатывают генетические факторы. Но этого не скажешь в случаях, когда появляются и укрепляются духовные детерминанты поведения людей: реальные поступки становятся все более полимотивированными и роль генетики значительно ослабляется. Кстати, в подобных случаях семья все чаще передает многие свои функции другим институтам государства (или они «забирают» их у семьи). Например, это хорошо видно по установленным в законах правам детей относительно наказаний, жестокого обращения и т.п.; по ряду проблемных вопросов они могут судиться с родителями. Но в большинстве житейских ситуаций в семье в психогенетических закономерностях есть резон. Если человек поступает в соответствии с «заложенной» генетической программой, оснований для коррекции его действий и поступков в «адекватной» среде даже не возникает.

К. Купер внимательно отслеживает исследования, в которых сравнивается влияние среды и генов на различные формы поведения человека и его личные характеристики. Так, он приводит результаты исследования близнецов, проведенного Стивенсоном. Последний изучал степень генетической детерминации просоциального поведения (эмпатии, поддерживающего поведения и альтруизма), асоциального поведения (агрессии, деструктивного поведения) и социабельности. Было установлено, что асоциальное поведение имеет сравнительно небольшую генетическую состав-

ляющую (0,24) в противоположность просоциальному поведению и социальности: 0,54 и 0,67 соответственно. Причем Стивенсон выявил, что «асоциальное поведение – это единственный вид поведения, для которого влияние среды оказалось существенным» [8. С. 224]. У данного факта есть глубинная обоснованность. Дело в том, что средовые факторы «вмешиваются» там, где человек идет против генетической предназначенности и зафиксированных в условных рефlekсах алгоритмов поведения. Такое же изменение средового влияния необходимо и в случаях инновационного поведения и деятельности: многие их аспекты не могли быть запрограммированы генетически. Не случайно наказания и негативное стимулирование во всех перечисленных ситуациях зафиксированы в прошлом во многих принципах воспитания. Скорее всего, полученные данные отражают наличие генетически встроенной в личность зависимости ее развития от ближайшей среды, и эта зависимость имеет также наследственно установленные механизмы формирования. В данном плане асоциальное поведение так же генетически задано, как попытки личности адаптироваться к изменениям в окружающей среде. По крайней мере, любая инновация – это определенный отход от привычных шаблонов, и в таких случаях только психогенетические ресурсы вряд ли будут эффективными.

Зависимость особенностей личности и от генетических, и от средовых факторов, на наш взгляд, «рельефнее» видна не столько на этническом фоне, сколько на примерах «смешанных» индивидов. Дело в том, что люди разных национальностей поступают по определенным схемам, которые сочетают в себе общечеловеческие и конкретные этнические аспекты. Между тем даже представители интеграционного знания видят своеобразие реакций и внутренних черт людей, имеющих родителей разных национальностей. То, что в таких случаях происходит «смешение» генов, считается общеизвестным. Но нельзя недооценивать социокультурные последствия. Авторы книги «Психология и культура» пишут, что «по мере увеличения числа межкультурных браков в мире все больше внимания уделяется воспитанию детей в условиях слияния двух культур, а также уникальным проблемам и стратегиям адаптации детей, принадлежащих двум культурам» [6. С. 189].

Сложность взаимодействия человека в современном полииерархическом обществе подчеркивают не только психологи, но и представители синергетики. Один из них, известный немецкий ученый Э. Морен, утверждает: «Каждый человек может и должен в планетарную эру культивировать свою множественную индивидуальность, которая дает возможность интегрировать в себе своеобразие разного рода: семейное, региональное, этническое, национальное, религиозное и философское, континентальное и земное. Что касается метиса, он сам может обнаружить в корнях своей полииндивидуальности семейную биполярность, этническую, национальную и даже континентальную биполярность, позволяющую ему развивать сложную, всецело человеческую индивидуальность» [12. С. 292].

В нашем прикладном исследовании мы предположили возможность пусть не биполярного, но все же отличительного своеобразия оценок мети-

сами конкретных реалий, связанных с этническими ориентациями [13, 14]. Во-первых, на наш взгляд, они меньше нацелены на признание генетических первооснов жизни на «малой родине», чем «несмешанные» индивиды. Но на признании глобалистических (общенациональных) реалий это может совсем мало сказываться. В опросном листе данные обстоятельства диагностировались на основе двух пар оценок по пятибалльной шкале (1 – самая низкая, 5 – самая высокая оценка). Опрос проводился среди аборигенов и русских в ряде регионов Сибири. Респондентами выступили представители разных национальностей: русские, буряты, хакасы, тывинцы, якуты и др. – всего 778 человек: из них представителей «смешанных» семей – 302, несмешанных – 395, остальные затруднились однозначно ответить на вопрос, есть ли у них родственники других национальностей. Результаты анализа оценок отражены в табл. 1.

Таблица 1

**Оценка значимости генетической и глобалистической ориентации
по отношению к родной земле**

№ п/п	Суждение	Средняя оценка в баллах		
		Все (n = 778)	Смешанные (n = 302)	Несмешан- ные (n = 395)
	Генетическая ориентация			
1	Людам полезно для сохранения тради- ций и психологического здоровья жить преимущественно на земле, где роди- лись и выросли	3,20	2,94	3,35
15	Любовь к родной земле приходит к нам от предков и сохраняется на гене- тическом уровне	3,57	3,45	3,65
Сумма по показателю 1		6,77	6,39	7,00
Глобалистическая ориентация				
8	Люди могут и должны жить на любой территории, не считаясь со своей национальной принадлежностью	3,78	3,79	3,77
22	Человек привыкает к любым местам, поэтому говорить о генетической при- вязанности к земле «предков» вряд ли правильно	2,86	2,90	2,79
Сумма по показателю 2		6,64	6,69	6,56
Разница между показателями 1 и 2		+0,13	−0,30	+0,44

Таким образом, таблица показывает, что генетическая ориентация у «смешанных» меньше выражена, чем в целом по выборке и особенно у «несмешанных». Данный факт заставляет задуматься о том, что «смешанные» уже в силу своей генетической и отчасти культурной интеграции меньше ориентированы на ценность самобытности земли, на которой живут, поскольку более высокое развитие «всечеловеческой индивидуальности» ориентирует их на повышение глобалистической ориентации.

Во-вторых, можно предположить, что оценка индивидами значимости интересов того народа, среди представителей которого они живут, по сравнению соответствующей оценкой государственных интересов будет меньше у «смешанных», чем у «несмешанных». Это в определенной мере было подтверждено нашим исследованием. В табл. 2 зафиксирован приоритет этнических ориентаций у «несмешанных» индивидов, и это явление характерно для многих представителей сибирских этносов. Дело в том, что этническая идентичность гораздо «взрослее», чем государственная: в этнических группах индивиды жили в течение многих столетий.

Т а б л и ц а 2

**Оценка значимости интересов государства и своего народа
респондентами разных категорий**

№ п/п	Суждение	Средняя оценка в баллах		
		Все (n = 778)	Смешанные (n = 302)	Несмешанные (n = 395)
	Значимость государственных ориентаций			
5	Интересы государства приоритетнее любых этнических интересов	2,84	2,75	2,87
19	Общероссийским успехам (достижениям) я радуюсь больше, чем успехам своего народа	2,99	3,09	2,95
Сумма по первому показателю 1		5,83	5,84	5,82
Значимость этнических ориентаций				
12	Интересы конкретных народов и этнических групп в России должны учитываться в первую очередь	3,03	2,98	3,06
26	Успехам своего народа я радуюсь больше, чем общероссийским	2,99	2,75	3,15
Сумма по второму показателю 2		6,02	5,73	6,21
Разница между показателями 1 и 2		−0,19	+0,11	−0,39

В связи с этим сформировались «фиксированные формы поведения» [15. С. 178–199], которые влияют и на многие современные установки. Особенности «смешанности» проявляются прежде всего в нарушении давних ригидных схем этнических стереотипов и оценок и в генетическом и культурном плане. Но данный феномен, особенно в свете приведенных в статье позиций зарубежных исследователей, нуждается в более детальном исследовании. Однако нет сомнений в том, что индивидуальные и социокультурные особенности оценки различных ресурсов личности, семьи и этноса необходимо учитывать в социальной практике.

Литература

1. Ключко В.Г., Галажинский Э.В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 146–151.

2. Карнышев А.Д. Социальная психология управления в школе : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1992. 30 с.
3. Карнышев А.Д., Иванова Е.А. Психология деятельности и управления. Иркутск : ИГЭА, 2004. 186 с.
4. Уилсон Э. Хозяева земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб. : Питер, 2014. 352 с.
5. Ключко В.Е. Развитие одаренности в разных социокультурных и образовательных средах: проблема организации кросс-культурного исследования // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 100–110.
6. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. 720 с.
7. Юнг К.Г. Психология бессознательного / пер. с нем. В.М. Бакусева, А.В. Кричевского. М. : Канон, 1996. 320 с.
8. Купер К. Индивидуальные различия. М. : Аспект-Пресс, 2000. 527 с.
9. Линн Р. Расовые различия в интеллекте : эволюционный анализ. М. : Профит Стайл, 2010. 304 с.
10. Резников Е.Н. Методологические проблемы этнической психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 240 с.
11. Баксанский О.Е., Лавринова Д.Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур. М. : Канон+, 2010. С. 47–75.
12. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетика : антология. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 247–322.
13. Карнышева О.А. Этническая смешанность–несмешанность семей как фактор межнационального согласия и патриотизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3, № 3 (63). С. 143–148.
14. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. 480 с.
15. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения на уровне индивидуальных и групповых систем // Залевский Г.В. Избранные труды. Томск, 2014. Т. 2. 326 с.

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.; принята 15.01.2017 г.

Сведения об авторах:

КАРНЫШЕВ Александр Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией «Психолого-экономические и кросс-культурные ресурсы регионального развития и межнационального согласия» Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: ale3441@yandex.ru

КАРНЫШЕВА Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: borisovvla@yandex.ru

PSYCHOGENETIC ORIGINS OF ISOMORPHOUS PERSONAL AND SOCIAL RESOURCES AND THEIR PERFORMANCE IN DIFFERENT ETHNOCULTURAL RELATIONSHIPS

Siberian journal of psychology, 2017, 63, 61–74. DOI: 10.17223/17267080/63/5

Karnyshev Aleksander D., Karnysheva Olga A. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ale3441@yandex.ru; borisovvla@yandex.ru

Keywords: personal and ethnic resources; isomorphism; globalism; common to all mankind individuality; collective unconsciousness; self-concept and its levels; genetic determination.

The term «resources» is defined in glossaries as the word of French origin derived from Latin «recuperare» or «restaurare», and it implies something one turns to in the absence of the usual means or source of supply, and applies to something used temporarily as an emergency measure.

There are some important reasons to use the term «resources» for the problem considered. First, it is a positive image of the term, second, the resource availability allows getting prospects for further developments of their possessors, and thirdly, resources allow estimating the opportunity of progress for any social group, because the general progress is summarized from the individual sources of every person included into such group.

The usage of the resource concept implies those biogenetic and social psychological phenomena of personality or human groups or all the human society, which could be implemented, on the one hand, as the sources, means and methods of behavior determination, and, on the other hand, the increasing of the effectiveness for concrete actions and solutions made. Based on the analysis of isomorphous traits of personality and community, the resources could be distinguished into the following groups: natural (biopsychological), motivational, diligent, creative, reflexive and communicative ones.

Their dependences from genetic and environmental factors have been soon manifested for the examples of «mixed» individuals, than the same of against their ethnic background. It is well known that the more numbers of intercultural marriages are in the world, the more attentions the society pays to kids and youth developed in the condition of confluence of two cultures, as well as to the unique problems and strategies of adaptation of individuals, belonged to dual different cultures («mixed» family representatives). Our applied researches have demonstrated that the mixed individuals in view of genetic and partly cultural integrations are little guided by originality values of the land they belong. Probably it is connected with higher development of «common to all mankind individuality» that orients them to enhance cosmopolitan orientation. The peculiarities of the «mixing individuals» are revealed in breaking of old rigid schemes of ethnic stereotypes and evaluations.

Unlike the «mixed» individuals the «unmixed» ones have the priority of ethnic orientations, according to our researches, this phenomenon typifies for the majority representatives of Siberian ethnos. The fact is that the ethnic identity is much «older», than the official governmental one: in ethnic groups the individuals have been living during many centuries. In connection with that «fixing traits of behaviors» have been formed, and they are still influencing on many nowadays tenets.

This phenomenon needs to be investigated in details. We have no doubts that individual and socio-cultural traits of resources of personality, family and ethnos need to be put into social practice.

References

1. Klochko, V.G. & Galazhinskiy, E.V. (2009) Innovatsionnyy potentsial lichnosti: sistemno-antropologicheskii kontekst [Innovative potential of the individual: The system and anthropological context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 146–151.
2. Karnyshev, A.D. (1992) *Sotsial'naya psikhologiya upravleniya v shkole* [Social psychology of management in school]. Abstract of Psychology Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Karnyshev, A.D. & Ivanova, E.A. (2004) *Psikhologiya deyatel'nosti i upravleniya* [Psychology of activity and management]. Irkutsk: IGEA.
4. Wilson, E. (2014) *Khozyaeva zemli. Sotsial'noe zavoevanie planety chelovechestvom* [The Social Conquest of Earth]. Translated from English by N. Lentsman. St. Petersburg: Piter.
5. Klochko, V.E. (2013) Razvitiye odarennosti v raznykh sotsiokul'turnykh i obrazovatel'nykh sredakh: problema organizatsii kross-kul'turnogo issledovaniya [The development of giftedness in different sociocultural and educational environments: the problem of organizing cross-cultural research]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 50. pp. 100–110.
6. Matsumoto, D. (ed.) (2003) *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

7. Jung, K.G. (1996) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Translated from German by V.M. Bakusev, A.V. Krichevsky. Moscow: Kanon.
8. Cooper, K. (2000) *Individual'nye razlichiya* [Individual differences]. Translated from English by T. Maryutina. Moscow: Aspekt-Press.
9. Linn, R. (2010) *Rasovye razlichiya v intellekte: Evolyutsionnyy analiz* [Racial differences in intelligence: Evolutionary analysis]. Translated from English. Moscow: Profit Stayl.
10. Reznikov, E.N. (2005) *Metodologicheskie problemy etnicheskoy psikhologii* [Methodological problems of ethnic psychology]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
11. Baksanskiy, O.E. & Lavrinova, D.G. (2010) Etnokul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii [Ethnocultural identity in the context of globalization]. In: Seyfullaev, R. & Gezalov, A. (eds) *Fenomen globalizatsii v kontekste dialoga kul'tur* [The phenomenon of globalization in the context of the dialogue of cultures]. Moscow: Kanon+. pp. 47–75.
12. Morin, E. (2013) *Obrazovanie v budushchem: sem' neotlozhnykh zadach* [Education in the future: seven urgent tasks]. In: Prigozhin, I., Haken, H., Ebeling, W., Meinzer, K., Morin, E., Petit, J. & Varela, F.H. *Sinergetika: Antologiya* [Synergetics: Anthology]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 247–322.
13. Karnysheva, O.A. (2015) Ethnically mixed (multinational) and unmixed (monoethnic) families as a factor of interethnic harmony and patriotism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(63). pp. 143–148. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-3-143-148
14. Karnyshev, A.D. (2015) *Problemy i resursy psikhologii patriotizma i mezhnatsional'nogo soglasiya* [Problems and resources of psychology of patriotism and interethnic harmony]. Irkutsk: Irkutsk State University.
15. Zalevskiy, G.V. (2014) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Received 15.11.2016;

Accepted 15.01.2017